

М. В. Сабашников

ПИСЬМА
ДНЕВНИКИ
АРХИВ

Михаил Сабашников
Письма. Дневники. Архив

«Издательство им. Сабашниковых»

2011

Сабашников М. В.

Письма. Дневники. Архив / М. В. Сабашников — «Издательство им. Сабашниковых», 2011

Выход книги приурочен к 140-летию со дня рождения Михаила Васильевича Сабашникова (1871–1943), книгоиздателя и общественного деятеля. В нее вошли впервые публикуемые материалы из личного архива М. В. Сабашникова: письма из Сибири 1902 г., фронтовой дневник 1915 г., редкие фотографии, сделанные в том числе самим автором. Новое издание дополняет вышедшие ранее воспоминания («Записки») М. В. Сабашникова. В книгу включены также описание архива Издательства М. и С. Сабашниковых, хранящегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, и полный Каталог вышедших в издательстве книг, позволяющий в полной мере оценить масштаб деятельности издателей и их вклад в отечественную культуру.

© Сабашников М. В., 2011

© Издательство им.
Сабашниковых, 2011

Содержание

От издательства	6
Поездка в Сибирь в 1902 г	16
Бердяуш, Суббота, 1 июня 1902	16
3. VI. 1902 г	17
Иркутск, гост. «Метрополь» 6 июня 1902 г	18
Продолжение 7-го VI. 1902	20
Мысовая, 9. VI. 1902	21
11 июня 1902 года	22
Нижне-Ульхинская п. ст. Забайкальской обл	23
16 июня 1902, Благовещенский прииск	25
Макаево Заб. ж. д., 24 июня 1902	26
Стретенск, пароход «Стрелок», 26 июня 1902 г	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Михаил Васильевич Сабашников

Письма. Дневники. Архив

Подготовка текста писем Т. Переслегина и С. Артюхов

Описание архива и составление каталога А. Панина

Редактор Л. Заковоротная

© Издательство им. Сабашниковых и наследники, 2011

От издательства

Настоящее издание представляет ранее не публиковавшиеся материалы из семейного архива и приурочено к 140-летию со дня рождения Михаила Васильевича Сабашникова (1871 г.), а также к 120-летию со дня выхода первой книги Издательства М. и С. Сабашниковых.

Вся жизнь и деятельность потомственного почетного гражданина М. В. Сабашникова связана с Москвой. Здесь он родился и вырос в доме на Арбате, поступил в Московский университет, вместе с младшим братом Сергеем Васильевичем основал издательство, участвовал в экономических, культурных и просветительских городских проектах, был выборным Московского биржевого общества и членом Московского отделения Русского технического общества.

В 1893 году после смерти литературоведа и археографа академика Н. С. Тихонравова братья Сабашниковы приобрели его ценнейшую библиотеку, включающую старопечатные книги и рукописи, и передали ее в дар московскому Румянцевскому Музею. В 1905 году М. В. Сабашников был избран почетным корреспондентом Румянцевского Музея.

С начала 1900-х М. В. Сабашников активно участвовал в земском движении. Избирался гласным Покровского (Владимирская губ.) и Суджанского (Курская губ.) уездных земств, гласным Московского губернского земского собрания, гласным Московской Городской Думы (1913–1917).

Будучи ярким представителем деловой элиты российского общества М. В. Сабашников талантом и огромным личным трудом достигал высочайшего профессионализма и успеха во всем, за что он брался, будь то золотопромышленные или книгоиздательские дела, производство сахара или организация помощи раненым и беженцам во время войны.

Дом на Арбате, построенный Василием Никитичем Сабашниковым, в котором прошло детство Михаила и Сергея Сабашниковых. Ныне здание существенно перестроено и в нем располагается Театр им. Вахтангова. Фото 1920-х гг.

В 1905 г. стал одним из инициаторов по созданию в Москве народного Университета им. А. Л. Шанявского. Генерал Альфонс Леонович Шанявский (1837–1905), золотопромышленник, партнер и близкий друг семьи Сабашниковых назначил М. В. Сабашникова своим душеприказчиком, членом Комиссии по составлению устава народного Университета и пожизненным членом Попечительного совета Университета. В 1911 г. началось строительство собственного здания народного Университета на Миусской площади. М. В. Сабашников стал председателем строительной комиссии, а с 1912 г. председателем правления Университета.

В годы Первой мировой войны работал во Всероссийском Союзе городов. Вложил собственные средства в формирование санитарного поезда, а летом 1915 г. возглавлял 6-ой медико-санитарный отряд Союза городов, действовавший в расположении 10 армии под Вильно.

С. В. Сабашников

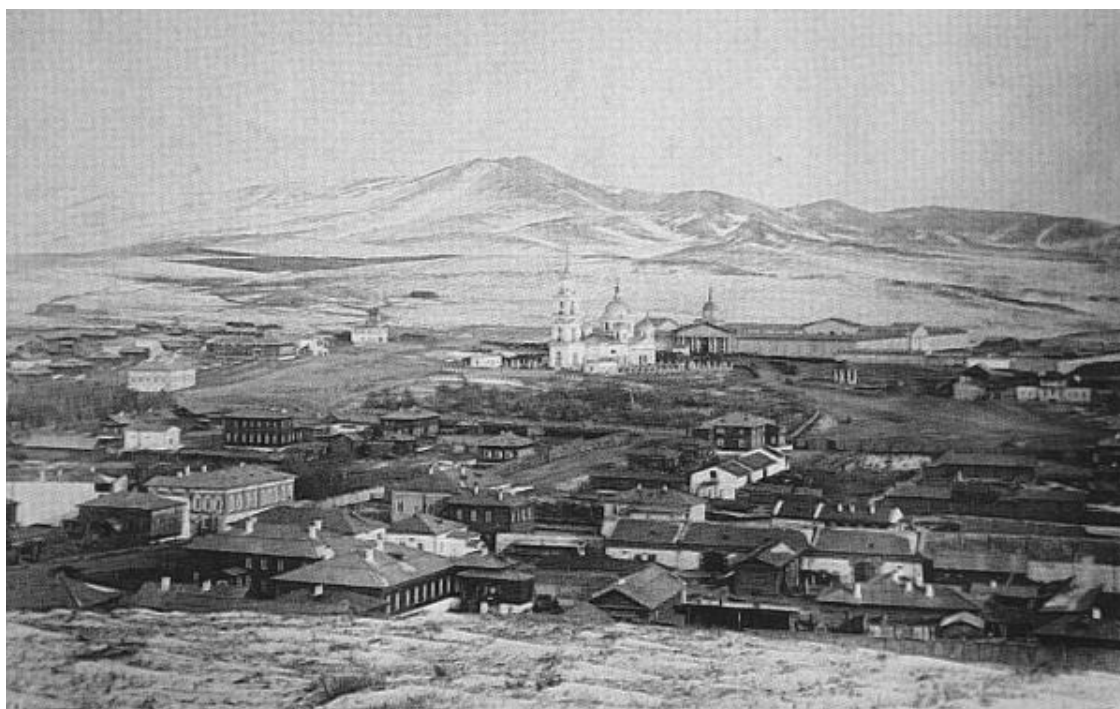
М. В. Сабашников

К сожалению этот эпизод мало и очень отрывочно освещен в воспоминаниях М. В. Сабашникова. Но сохранились письма Михаила Васильевича к жене Софье Яковлевне, представляющие подробный дневник его пребывания на фронте.

Как создатели успешной и авторитетной издательской фирмы братья Сабашниковых сегодня достаточно хорошо известны. Куда более скудна и разрознена информация о предпринимательской и общественной деятельности М. В. Сабашникова.

Восполнить этот пробел и ставит своей задачей настоящее издание. Частный капитал и его роль в развитии жизни общества – важнейшая тема для современной России. И именно на примере таких фигур, как Сабашниковы, можно наглядно видеть, как формировалась материальная основа культурных и образовательных начинаний в России начала XX века.

В семейном архиве сохранились написанные рукой М. В. Сабашникова дневники-письма о его деловой поездке 1902 г. в Сибирь, где по притокам Амура располагались принадлежавшие Сабашниковым и Шанявским золотодобывающие компании.

Торговая слобода Кяхта. Конец 1880-х – начало 1890-х гг. Фотография Н. А. Чарушина.

Надо отметить, что партнерство Шанявских и Сабашниковых началось еще при отце Михаила Васильевича – Василии Никитиче Сабашникове. Лидия Алексеевна Шанявская вместе с Василием Никитичем еще в начале 1870-х гг. оформили несколько заявок на разработку нескольких приисков по р. Зее и р. Угане, впоследствии превратившихся в Зейскую и Верхнезейскую золотопромышленные компании.

В целом дела на золотых приисках шли успешно, но к концу 1890-х годов прииски стали истощаться и их дальнейшая эксплуатация требовала основательных вложений. Средства же Сабашниковых уже в значительной степени были вложены в московские предприятия, в том числе в издательство, что не позволяло рисковать. С целью непосредственно на месте разобраться в ситуации М. В. Сабашников и отправился на место разработок. Путь его лежал в Иркутск, Кяхту, Благовещенск в приграничные с Китаем и Монголией территории по берегам Амура.

Сначала по железной дороге, затем на пароходе, и с каждой остановки Сабашников отправлял подробные письма супруге и брату Сергею Васильевичу, делал по дороге фотографии. Рассказ о попутчиках, описание приисков, быта старателей, технические расчеты и экономические выкладки – наверняка будут интересны не только простому читателю, но и специалисту.

А. Л. Шанявский. 1880-е гг.

Л. А. Шанявская

Городской народный Университет имени А. Шанявского на Миусской пл. 1912 г.

Благодаря этой поездке Сабашниковыми было принято решение о переориентации (как сказали бы сегодня) своего капитала в более перспективные проекты. Одним из них и стало строительство в Москве нового образовательного учреждения.

Письма с Западного фронта 1915 г. раскрывают малоизвестные страницы из жизни добровольных медико-санитарных отрядов, их организацию и быт в условиях действующей армии.

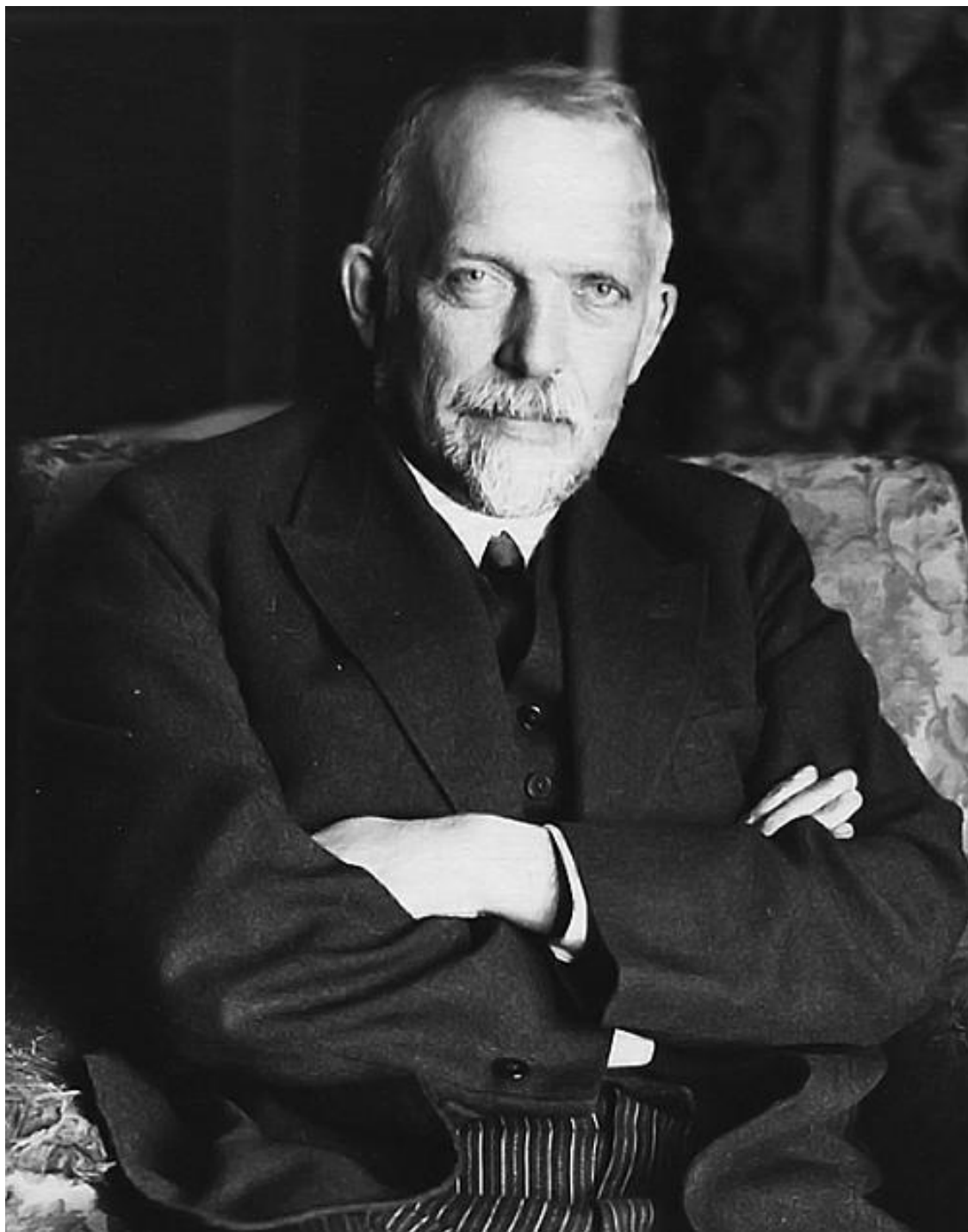
Во время I мировой войны различные общественные организации формировали на свои средства и частные пожертвования санитарные отряды для оказания помощи раненым. Санитарные отряды действовали параллельно и в помощь военным санитарно-медицинским учреждениям (военно-медицинским полевым околоткам, дивизионным лазаретам и проч.). Они оказывали также помощь беженцам, организуя для них пункты питания, бани, прачечные и т. д. В отряде М. В. Сабашникова работало 40 врачей и студентов (многие из них – москвичи), 20 сестер, 100 нижних чинов. Отряд располагал обозом из 120 лошадей, имел арбы, двуколки и даже автомобили.

* * *

Октябрьская революция, как чудовищный разлом земной коры, трещиной прошла по судьбам людей и самой страны, поглотила миллионы невинных жертв. Было разрушено то, что создавалось кропотливым трудом и талантом не одного поколения. Сабашниковы лишились разом всего: были национализированы имения и счета в банках, сгорели во время октябрьских боев в Москве издательство и большая часть книг на складе, квартира и личные вещи.

Среди общей растерянности и неуверенности в завтрашнем дне М. В. Сабашников был одним из немногих, кто сохранил присутствие духа и силы, чтобы начать все с нуля. Он смог даже помогать десяткам других обездоленных. «Не скажу, чтобы я имел какие-нибудь основания, – писал он в ноябре – декабре 1918 г. Б. А. Тураеву, – быть более уверенным в завтрашнем дне, чем другие издатели, но лучше быть либо беспечным, либо фаталистом, либо тем и дру-

гим вместе, но не киснуть и не поддаваться унынию...». М. В. Сабашников не только выбрался из поглотившей его пропасти, но и поднял издательство на прежнюю высоту, не потеряв при этом лица и сохранив верность своим нравственным принципам. Изыскав средства на продолжение издательской деятельности, Михаил Васильевич в труднейшие 1918–1919 годы заключил 118 новых договоров, помогая денежными авансами десяткам писателей, переводчиков, ученых. «По поговорке, – писал он в одном письме 1921 г., – счастливыцы родятся в рубашке, но родиться в непроницаемой рубашке, по мне, несчастье. От непогоды укроешься плащом, а как откроешься всему многообразию человеческих ощущений, если от природы лишен чувствительности?»

Михаил Васильевич Сабашников. 1920-е гг.

С наступлением НЭПа Сабашников использовал все возможности, чтобы возродить издательство. Он выпускает серии книг по биологии и медицине, сводки работ опытных сельскохозяйственных учреждений, пытается продолжать прежние и начинает новые серийные издания. Наибольший успех имела начатая в 1925 г. серия «Записи Прошлого». Именно так, о Прошлом с большой буквы намеревались рассказать М. В. Сабашников и редакторы серии С. В. Бахрушин и М. Л. Цявловский. Задачу издания они видели в том, чтобы «дать изображение развития русской культуры и картину жизни и быта разных слоев русского народа в показаниях свидетелей и деятелей нашего прошлого». В этой серии вышли воспоминания Б. Н. Чичерина, Т. А. Кузминской, С. А. Толстой, А. Ф. Тютчевой, А. П. Сусловой и др. В «Записях Прошлого» воплотился особый стиль сабашниковских изданий – сочетание занимательности для читателя с научной подачей и подготовкой материала, простотой и изысканностью полиграфического оформления, стремление к «музейной» полноте. Вся серия была внесена Международным институтом библиографии Н. А. Рубакина в списки лучших книг 1926–1929 гг.

Основной архив Издательства М. и С. Сабашниковых хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, бывшего Румянцевского музея (Дом Пашкова), с которым, как уже отмечалось, Сабашниковы были тесно связаны. Одна из первых исследовательниц этого обширного собрания – Алла Леонидовна Панина¹ еще в советские годы составила его подробное описание (Панина А. Л. Архив изд-ва М. и С. Сабашниковых // Записки Отдела рукописей / ГБЛ. 1972. Вып. 33.) Материал этот, однако, доступен сегодня лишь немногим специалистам, являясь между тем самым подробным описанием архива и по сей день. Огромную ценность представляет и «Каталог издательства М. и С. Сабашниковых», составленный А. Л. Паниной, позволяющий в полной мере судить обо всех сабашниковских изданиях.

¹ К сожалению А. Л. Панина преждевременно скончалась, и не смогла принять участие в подготовке настоящего издания.

Поездка в Сибирь в 1902 г

Бердяуш, Суббота, 1 июня 1902

Пишу тебе с Урала. Поезд наш поднимается всё на хребет. Вскоре, через два приблизительно часа, придем к Златоусту, а затем достигнем наивысшей точки перевала. Подъем очень красив. Он не так разнообразен и не так величественен, как известные перевалы в Швейцарии, так как и горы тут незначительные, но все-таки очень красив. Впрочем, как говорят, самая красивая часть еще впереди.

Первые двое суток провел так. Прежде всего, не позволял себе спать днем, оставляя это занятие на ночь, и, кроме того, боясь совсем раскиснуть, если не соблюдать известного режима. Такие господа в нашем поезде есть, и я не представляю себе, в каком-то виде они доедут до Иркутска. Затем выходил гулять обязательно на каждой станции. Читал и в эти дни прочел том Levat об Ононе² и книжку Loti – «Последние дни Пекина».³

Хотя я, как уже сказал, выходил на станциях постоянно, но вышло так, что только вчера встретились с Наст. Мих. Ордынской. Она, оказывается, как и предполагал Лунц,⁴ села в Туле на этот же поезд. Из других знакомств укажу на Яворовского⁵ и Пфаффиуса,⁶ знакомого Астровых,⁷ с которым мы познакомились на следующий же день.

Ну, спешу кончить и опустить письмо в Златоусте. На ходу писать совершенно невозможно.

Твой М. Сабашников

² прочел том Levat об Ононе – речь идет о книге E.-D. Levat. L'or en Sibirie Orientale., Paris, 1897. См. примечание 14 к гл. 6.

³ ... и книжку Loti «Последние дни Пекина». – Лоти Пьер (1850–1923), французский писатель, создатель нового литературного жанра – так наз. колониального романа, овеянного романтикой моря и восточной экзотикой (романы «Азиадэ», «Брак Лоти», «Госпожа Хризантема»). О своих путешествиях рассказывает в книгах «В Марокко» (1889), «Последние дни Пекина» (1901), «Индия без англичан» (1903).

⁴ ... как и предполагал Лунц. – Лунц Михаил Григорьевич (1872–1907), публицист, экономист, сотрудник «Русских ведомостей».

⁵ Яворовский Петр Казимирович (1862–1920) – горный инженер, один из инициаторов и руководителей геологических исследований в золотоносных областях Сибири и Дальнего Востока; изучал месторождения золота в бассейне р. Зеи (до 1891 г.), золотых россыпей на Урале (1891 г.), в составе Амурской экспедиции Гондатти (1909–1912) проводил исследования в Зейском золотоносном районе, на левобережье Амура от Черняева до Благовещенска.

⁶ Пфаффиус Константин Евгеньевич (1861–1930) – горный инженер, служил в Нерчинском горном округе, управляющим Горбиченскими промыслами, ст. упр. Казаковским зол. промыслом, член Совета Приамурского отд. Русского географического о-ва (1898–1908), обследовал горячие минеральные источники Приморья, Приамурья и Камчатки.

⁷ Астров Николай Иванович (1868–1934) – юрист, российский политический и общественный деятель, Московский городской голова (1917); после революции эмигрировал, умер в Праге.

3. VI. 1902 г

Это письмо я опущу во встречный скорый поезд, который будет сегодня вечером. И так, ты его получишь сравнительно скоро... Мы едем сейчас Барабинским краем, лежащим между Иртышом и Обью. Это равнина, болотистая, усеянная озерами по большей части горьковатой воды и поросшая травой. На более возвышенных местах растет береза. Картина унылая. Через несколько часов достигнем Оби, а там вскоре пойдет тайга. Ехать довольно хорошо, не жарко и, благодаря перепадающим время от времени дождям, не пыльно.

С нами едет молодой человек, кончивший Восточный факультет в Петербурге. Он занимается монгольским языком и едет в Монголию. Имеет намерение, между прочим, пройти пешком весь Онон, и таким образом мы, быть может, еще с ним там встретимся.

Сейчас проехали Обь. После Оби картина совершенно изменилась.

М. Сабашников

Иркутск, гост. «Метрополь» 6 июня 1902 г

Сегодня приехал я в Иркутск. По С.-Пб времени поезд подошел к Иркутску в 3 ч. 25 м., но местное время разнится от С.-Пб-ского на 4 ч. 56 м., и потому в действительности мы приехали в Иркутск вечером. Эта огромная разница во времени накоплялась, хотя и постепенно, но все-таки настолько быстро, что в пути очень трудно было приспособляться к новому времени. Некоторые пассажиры так и совсем с толку посбились – пили утренний чай, когда мы завтракали или обедали, а обедали, когда пора было по времени либо спать ложиться, либо ужинать. На вокзале в Иркутске меня встретил В. В. Зазубрин.⁸ Шел мелкий, скверный и скучный дождь, и мы, укрывшись, как могли, поехали с ним по лужам и слякоти не мощёных иркутских улиц в гостиницу. Затем, потолковав немного о том о сём, он меня оставил, и я, прежде всего, кинулся в баню. Хотя в поезде нашем и была ванна, но я как-то относился к ней брезгливо, уж очень нечиста вся поездная прислуга. Затем поужинал, убрал свой номер (пришлось всё доставать, так как постелей в гостинице не полагается) и теперь засел тебе писать. Как видишь из всего сказанного, про Иркутск я тебе ничего сказать не могу, т. к. ничего сам и не видел. Напишу об Иркутске после, когда посмотрю его как следует, теперь же остается говорить про переезд из Москвы в Иркутск, т. е. говорить про прошлое в некотором роде. Ну, а ты знаешь, что я в этом отношении подобен дикарям и в письмах интересуюсь лишь настоящей минутой. Не помню, кто указал, что в отличие от цивилизованных народов дикарей можно характеризовать как людей минуты. Все-таки пересилю свою нелюбовь писать о прошлом и скажу несколько слов о Сибирском поезде и о впечатлениях от дороги.

Прежде всего, вопреки ожиданию, переезд переносился, по-моему, очень легко. Надо, впрочем, сказать, что погода для дороги была весьма благоприятная. После перевала через Урал все время перепадали небольшие дожди, убивавшие пыль на пути, и было при том не очень жарко.

Что касается спутников моих, то ты уже знаешь, что до Мариинска со мной ехала Н. М. Богданова,⁹ теперь Ордынская. Затем ты знаешь про горного инженера геолога Яворовского и про Пфаффиуса, знакомого К. Д. Бальмонта, тоже горного инженера, служащего в Хабаровске. С ними, в особенности с Яворовским, много толковали о золотопромышленности. В моем купе до Урала ехали два иностранца: один немец, живущий постоянно в Москве и потому причисляющий себя к москвичам («мы – москвичи» – у него постоянно на языке), другой – жиденький бельгиец, не говорящий ни слова по-русски; он ехал на Урал ревизовать дела какой-то бельгийской компании. По виду, едва ли большой толк от его ревизии будет. Четвертым в купе был длинновязый господин, по виду и, особенно, по манерам и поговору очень напоминавший мне Ижицкого, но в неприятную сторону. Он оказался уроженец Новочеркаска, инженер, теперь подрядчик по Сибирской ж. д., сколотивший себе в несколько лет хороший капитал, о чем он и поспешил дать всем знать заявлением: «У меня у одного миллион есть». В соседнем купе ехали его жена и сестра. Франтили до невыносимости и до смешного. Чтобы выйти погулять на станции Обь, они передевались, и при том это брало у них более часу! Подслышав мой разговор с Яворовским, этот подрядчик, Ротов по фамилии, догадался, что я имею какое-то отношение к золотопромышленности, и предложил мне «дело». Оказывается, он, с каким-то Маркевичем, получил исключительное право на разведки золота по левому притоку Амура Амазару на кабинетских землях.¹⁰ Сами они работать не будут, и хотят свое право либо продать, либо

⁸ Зазубрин Василий Васильевич – поверенный Ононской К^о, сотрудник Василия Никитича Сабашникова.

⁹ Анастасия Михайловна Ордынская.

¹⁰ Кабинетские земли – личная собственность императора. Они управлялись Кабинетом его императорского величества и сдавались в аренду. (Находились преимущественно на Алтае, в Забайкалье, в Польше.)

уступить на арендных началах. То ли что он действительно, как и сам говорит, ничего в золотопромышленности не понимает, или он надеялся подцепить меня на какую-нибудь глупую штуку, но на расспросы мои об условиях, на каких можно будет не разведывать, а работать, он толкового ответа не дал. Я ему объяснил, что разведки ставят только там, где знают условия, на каких придется работать, так как разведки – вещь дорогая, и зря на неподходящей по условиям аренды местности никто их производить не станет. Тогда он просил сообщить мой постоянный адрес, чтобы написать всё подробно, справившись дома об условиях. Я дал ему свою карточку, он мне свою. Здесь произошло «узнание». Оказалось, его жена – сама курская, знает поэтому Ал. Вл.¹¹ и все курские сплетни. Я был ошарашен и представлен сей особе. Этот Ротов – довольно типичный для пассажиров Сибирского поезда господин. Конечно, главным образом, на две трети, а то и более, преобладает в поезде чиновник разных ведомств и министерств, в форме и без оной, но из штатских – не чиновных пассажиров, главным образом встречаешь «*homines novos*», как выразились бы римляне, т. е. «людей новых», составивших себе состояние, имя и положение в свете в самое недавнее время, обогатившихся быстро и продолжающих еще лезть в гору по ступеням человеческих рангов. Подрядчики по железной дороге в этой категории преобладают, но есть и другие, например, едущий во Владивосток с женой купец. Он, а особенно его жена, производят самое благоприятное впечатление своей простотой, радушием и вместе с тем деликатностью и тактом. Он, между прочим, отлично играет на рояле. Оказывается, уроженец Одессы, окончивший тамошний университет, он не так давно, всего несколько лет, переехал во Владивосток, взяв себе представительство от нескольких немецких фирм. Теперь он считается местным богачом, имеет собственный дом во Владивостоке в 200.000 руб., собственное дело и возвращается из-за границы, куда он ездил по делу электрического трамвая, который он предлагает соорудить во Владивостоке. А вот и другой тип – это углепромышленник. На линии ж.д. в нескольких местах найдены залежи каменного угля,¹² почему ж.д. отапливается, начиная с Оби и на восток, не дровами, а углем. В Иркутской губ. целых шесть предпринимателей, добывающих каменный уголь, которого каких-нибудь 5–6 лет тому назад и не знали совсем здесь. Один владелец шахты тоже на пути подсел к нам в поезд, это тоже местная восходящая звезда.

С этими новыми людьми интересно сравнить местную старую купеческую аристократию. Сибирская при этом совершенно в поезде отсутствует, она вся перебралась в столицы, делами сама не занимается, и потому и в Сибирском поезде её не встретишь, или встретишь лишь изредка. Другое дело – Уральское купечество и Уральские промышленники. Ко мне в Челябинске сели два господина из Екатеринбурга. Первое время по изящным костюмам и еще более по благовоспитанности ихней и по книгам, которые они читали, я принял их за столичных туристов, едущих посмотреть дорогу и Сибирь, а может быть и Китай. Потом, однако, выяснилось, что один – Уральский золотопромышленник (Качкарской системы), имеет рудное дело, которым сам заведует, установил недавно химическую обработку цианистым калием, которой руководит управляющий университетского образования. Другой – Уральский мукомол. Оба они постоянно живут в Екатеринбурге, а теперь задумали совершить кругосветное путешествие, чтобы посмотреть свет и круговращение людей. Едут в Японию, а оттуда через Америку в Англию и обратно в Екатеринбург. Временем они очень связаны, т. к. каждому надо вернуться домой к определенному сроку. Не знаю, но мне это всё как-то очень почтенным кажется. Прими во внимание, что это не молодежь. Золотопромышленнику лет более сорока, наверное, а вот не увяз с ушами в собственный капитал, а интересуется светом.

¹¹ Ал. Вл. – Алексей Владимирович Евреинов.

¹² ...найденны залежи каменного угля. – Промышленное освоение Иркутского угольного бассейна началось с 1896 г. (Черемховские угольные копи).

Продолжение 7-го VI. 1902

Вчера я дописался до 2 1/2 часов ночи, в это время гасят электричество, и я остался впотьмах без спичек и свечей. Сегодня солнце ярко, небо подернуто лишь белыми веселыми барашками, лужи на улицах стали подсыхать, а потому я поскорее оделся и пошел гулять по городу. Странная картина – идешь по улицам и, право, недоумеваешь: неужели это Иркутск, а не какой-нибудь губернский город России. Ехать в такую отчаянную даль, чтобы на улице встречать студентов в тужурках и с тросточками, шагающими небрежно по тротуарам с книгами подмышкой. А вот и поп, настоящий коренастый попина, вроде наших Московских. Ребятишки пускают чурбачки – лодочки по ручейкам, канавкам и лужам, и проезжий гимназистик, вероятно, из пригостишек, с завистью смотрит на эту запрещенную ему на улицах забаву и о чем-то умоляет отца или учителя, едущего с ним на извозчике. Женщина врач Мария Николаевна Колокольникова принимает по детским и женским болезням ежедневно по таким-то часам, о чем я узнаю по медной доске, прибитой к ее подъезду. Всюду церкви и соборы, еще больше бесконечных заборов, которые еще гоголевский городничий ставил на одну ногу с памятниками и прочими украшениями города, и, вспоминая его, я старательно выискиваю безопасный путь, проходя у этих заборов. На них, между тем, афиши – Славянский объявляет концерт,¹³ Малороссийская труппа дает спектакль и пр. и пр. Но вот дошел до Ангары, и всё сразу меняется. Река просто дивная – полноводная, с быстрым течением, без скучных мелей, она сразу заставляет чувствовать, что здесь где-то есть горы, а то неоткуда такой реке взяться. Наши речки низменностей известно каковы, совсем другой вид. На реке довольно сильный, влажный, приятный ветер и можно ездить на парусе. Долго гуляю я по берегу, а затем по мосту, и никак не налюбуюсь на Ангару. Впрочем, мне еще доведется её посмотреть несколько выше Иркутска, т. к. ж. д. до Байкала почти все время идет берегом Ангары. Впрочем, не только Ангара выделяет Иркутск по внешности от прочих губернских городов. В нем много хороших зданий, между прочим, красивый каменный театр, затем красивое здание географического музея и другие. Зато мостовые совсем сплеховали, их вовсе нет, есть только деревянные тротуары. На пути домой в гостиницу встретил я китайца – это первый китаец, которого я за свою поездку вижу. Придется ли мне их еще посмотреть в Пекине – не знаю.

Зазубрин мне передал твою телеграмму от 2-го, полученную здесь лишь 4-го. <...>¹⁴ Ну, пока целую тебя крепко и крепко, детишек обнимаю и целую. То-то они изменятся за мое отсутствие, совсем от меня отвыкнут!

Ни от Сережи, ни от Биршера¹⁵ телеграмм я здесь не нашел. Объясняю это тем, что телеграммы страшно запаздывают.

Пока я почти ничего не снимал, берегу катушки. Снял только Ордынских в нескольких видах, да едва ли что выйдет. Передай мои поклоны всем. Нине напишу сегодня же.

Побывал сегодня в Иркутском Географическом музее. Там очень много интересного. Сегодня я ничего не делаю, так как Зазубрин извинился, что он должен непременно сегодня присутствовать на пробах динамита (он представитель одной фирмы, торгующей здесь динамитом) и в виду позднего получения моей телеграммы не мог отложить это дело на другой день.

Твой М. Сабашников

¹³ ...*Славянский объявляет концерт*. – Славянский – псевдоним Агреньёва Дмитрия Александровича (1834–1907), певца, дирижера хорового оркестра, собирателя, обработчика и популяризатора народных песен. Созданный им хор «Славянская капелла» был широко известен и имел огромный успех не только в России, но и в Америке, Англии, Франции, Германии и др. странах.

¹⁴ Здесь и далее печатается с некоторыми сокращениями.

¹⁵ *Биршерт П. А.* – амурский золотопромышленник, уполномоченный Соединенной Зейской Ко

Мысовая, 9. VI. 1902

Сейчас переехали через Байкал и засели в поезд. Большинство пассажиров едет в Порт-Артур или во Владивосток через Манчжурию. Народу много, мест мало, теснота, давка, перебранка и неприятности. Со мной в купе сидит инженер, служащий по Маньчжурской дороге. Говорит, что в истории русского железнодорожного строительства не было еще до Маньчжурской дороги более безобразного и хищнического ведения дел. Особенно негодует на охрану, от которой не было жизни ни тем, кого охраняли, ни тем, от кого охраняли. Просто башибузуки. Теперь их немножко подтянули, но все-таки безобразие и теперь всюду сплошное. За время совместной езды, вероятно, наслушаюсь разных разностей от него. Инженеры и подрядчики царствуют теперь в Сибири небывалым еще образом. На Байкале сейчас буря, при переезде наш пароход спас гибнущую и идущую ко дну лодочку с двумя мужчинами, женщиной и ребенком.

М. Саб.

11 июня 1902 года

Сегодня приеду в Макаеево вечером и немедленно постараюсь тронуть дальше, чтобы еще засветло переправиться через Ингоду. Проезжая через Мангут, дам тебе телеграмму о приезде на Онон, т. к. это уже будет «почти дома». Надеюсь найти твои телеграммы и на Ононе, и в Макаееве. Забайкальская дорога очень красива. Пробовал снимать, но едва ли что вышло, т. к. со станций мало интересного, а снимать на ходу – толку мало. Мои Уральские спутники – золотопром. и мукомол много поснимали в Сибирском поезде, проявили в Иркутске и остались недовольны видами, снятыми на ходу. Эти господа и теперь едут со мной. Кроме того, едет еще доктор Манчжурской ж.д. Коноржевский. Ну, и порассказал он штук про господ инженеров и военных! Он участвовал в походе Орлова,¹⁶ прославившегося расстреливанием мирных китайцев сотнями. Безобразий насмотрелся этот господин много. Целую.

Твой М. Сабашников

¹⁶ ...он участвовал в походе Орлова. – Орлов Николай Александрович (1855–1917?), генерал от инфантерии, военный писатель и теоретик, пионер воздухоплавания. Участвовал в походе 1900 года при усмирении беспорядков в Китае в качестве начальника Хайларского отряда.

Нижне-Ульхинская п. ст. Забайкальской обл

С лошадьми здесь целая канитель. Почтовые вечно заняты, надо ожидать их часов по пяти, шести, что, конечно, мне вовсе не подходит. Приходится нанимать то «земских», то «обывательских», то «вольных». Везут и те, и другие, и третьи хорошо, везут 12 верст в час, но пока их найдешь, пока приведут с поля, пока впрягают насильственно человек 5 молоденькую необъезженную пристяжку, чуть ли не держа её на весу на руках и всё приговаривая: «Она у нас маленько сумасшедшая», – время идет да идет, и скорое выходит в конце концов все-таки довольно медленным. Перегон сорок приблизительно верст я, вероятно, проеду более полутора суток, почти двое суток. Все-таки, однако, сегодня буду на Ононе.

Дорога очень красивая. От Маковеева она шла недолго берегом бурливой и многоводной Ингоды, через которую я переправился на пароме. Затем поехали вверх по долине речки Тыры и, сделав небольшой перевал, спустились долиной речки Или, впадающей в Онон, в долину Онона. Горы на первой части пути были покрыты густым, хвойным по преимуществу, лесом, который иногда спускался и на самое ложе долины. Однако в большинстве случаев ложе долин носит характер сочных лугов, усеянных самыми пестрыми цветами. Например, вчера одно время ехали, будто в море незабудок, сегодня утром меня окружали, насколько видно было глазу, лютики... а кругом, конечно, горы и горы, то покрытые лесом, то травой. Много встречаешь на пути бурят. Бурятские пастухи мальчишки загоняли в горы овец, огромное стадо, играя в то же время, очевидно, в охотников, т. к. держали они в руках огромные луки и стрелы (больше роста самих мальчишек) и прицеливались то в одну овцу, то в другую, конечно, не стреляя. Встречаются часто бурятские оседлые зимовья и их передвижные юрты. Два раза наезжали на меня кавалькады девушек в пестрых платьях на малюсеньких, но очень бойких лошадках, но ни разу не удалось их снять, т. к. завидев меня (они выезжали на меня из-за угла, или из-за кущи деревьев и никак, очевидно, подобной встречи не ожидали), тотчас заворачивали и исчезали в несколько секунд. Отчасти недостаток лошадей объясняется тем, что в Акше назначена на 15-ое монгольская ярмарка, и туда уже заранее собирается народ. Казаки, у которых по преимуществу и приходилось нанимать лошадей, говорят по этому поводу, что правительство хочет приучить этой ярмаркой монголов к России, чтобы присоединить затем Монголию: «Ведь Амур шутя взяли»,¹⁷ – добавляют они в доказательство. Но если это так, то административная наша машина и здесь, как всюду, работает неисправно. Зимой была уже назначена такая ярмарка, и монголы действительно погнали великое множество голов рогатого скота, лошадей и овец. На границе всё это четвероногое население было, однако, остановлено для карантина, а т. к. за карантин дерут по 2 руб. с головы (зачем?), то, конечно, у монголов не хватило ни денег оплатить карантин, ни охоты платить за скот, который, быть может, и продан-то не будет и который назавтра, пожалуй, придется опять гнать обратно в Монголию. Здесь сейчас население волнуется относительно участи бурят. Толком не мог я разобраться в чем дело, но, по-видимому, правительство решило отменить теперешнее народное управление бурят и подчинить их общему порядку – нарезать землю в строго определенном количе-

¹⁷ ...*Ведь Амур шутя взяли.* – В 1899 году в Китае произошло восстание, получившее название Ихэтуаньское, или «боксерское», от слова «цюань» (кулак). В ночь с 23 на 24 июня 1900 года в Пекине отряды повстанцев-ихэтуаней начали резню христиан, получившую название «Варфаломеевская ночь в Пекине». Были убиты сотрудники германской и японской дипломатических миссий. Япония, Германия, Россия, США, Великобритания, Франция, Италия, Австро-Венгрия направили к берегам Китая объединенный флот. Коалиционные силы двинулись на Пекин, и 28 августа он был взят под контроль союзными войсками. Однако в июле ихэтуани начали наступление в Маньчжурии. Дважды ими был обстрелян Благовещенск. Военный губернатор Амурской области К. Н. Грибский издал распоряжение о выдворении всех китайцев из города и области за Амур. Российские войска предприняли наступление, заняв правый берег Амура и полностью очистив его не только от повстанцев, но и от всего китайского населения. В декабре 1901 года российской армии удалось полностью ликвидировать остатки ихэтуаней, оставшихся в Маньчжурии.

стве и отмежевать её, поселить бурят в постоянных деревнях, запретив им кочевать, устроить волостное начальство и подчинить бурят крестьянским начальникам и пр. и пр. Те же меры принимаются и относительно других инородцев. Тунгусы, как говорят, подчинились, а буряты повиноваться не хотят. В виду этого их представители в числе более 1000 человек съехались в Чир и ведут переговоры с властями. Что-то будет – посмотрим.

Твой М. Сабашников

* * *

Ты уже знаешь из моей телеграммы, что я приехал на прииски 13-го. Эту телеграмму я отправил сам в Мангуте, когда нанял лошадей на последний перегон до приисков в 57 верст. Этот перегон я проехал в 4 1/2 часа, т. к. молодой парень казак, везший меня, боялся попасть на прииски, когда стемнеет, т. к. дороги по приискам ему плохо известны, а в таком случае ничего не стоит угодить со всей тройкой и тарантасом в какой-нибудь разрез, шурф, в запруду, или просто наконец в яму. И правда – ты не представляешь себе, что такое выработанный прииск. Он весь изрыт сверху донизу, здесь высятся горы «отвалов» (перемытых песков или пустой породы), там – рядом огромные глубокие выемки, а здесь, в довершение всего беспорядка и путаницы, «старатель» – наследник и преемник хозяйских работ, стараясь извлечь что-нибудь из своего наследства, подкопался под отвал гротом, всюду понарыл ям, канав и т. д. Просто хаос какой-то. Впрочем, я, пожалуй, Онон тебе описывать не стану. Хотя я тут уже два полных дня, но впечатления как-то от приисков еще не выяснилось для меня самого – в хаосе всего здесь виденного я еще никак не могу разобраться, а потому не хочу и писать об этом до времени. Поселился я у Разумова в доме. Это тоже довольно оригинальное сооружение, которое, вероятно, как и наш Никольский, впрочем, дом, может быть объяснено лишь историческим методом. Вероятно, дом по мере разрастания дела разрастался тоже во все стороны, куда можно было податься. Получился лабиринт, в котором я сразу никак не мог ориентироваться. Не знаю, нашла ли ты в Никольском карту Сибири, о которой я тебе говорил: иначе тебе, вероятно, очень многое не ясно в моих передвижениях. Имей в виду, что Ононские прииски лежат не на Ононе, а на его притоках. Река Кыра впадает в Онон еще в пределах Монголии, беря, однако, начало и протекая главным образом по Забайкальской области. Так вот, у этой Кыры есть приток, между прочими, Средний Хонгорок, на котором и расположены Благовещенский, Васильевский и др. прииски нашей компании. Кроме того, мы имеем прииски по р. Баян-Зурга, впадающей в тот же Средний Хонгорок. Всё это лежит в 20 верстах от Монгольской границы. На долине Онона кочуют монголы, а их верблюды забредают и к нам на Хонгорок пастись. Солнце днем печет и жарит без устали, заставляя постоянно помнить, что мы находимся гораздо южнее не только Москвы, но и Курска. По ночам здесь тоже тепло. В то же время прииски находятся на 6000 футов от уровня моря. Воздух поэтому сухой, прозрачный, как в горах. Малейший кустик можно видеть на горах на очень далеком расстоянии. Не думай, чтобы Баян-Зурга или Хонгорок были реки, на которых можно кататься, например. Это горные речонки, которые иногда разливают с большой силой и затопляют всю долину, по которой текут, но которые в обыкновенное время можно сравнить с Реутом или Мережкой. Вот Онон и Ингода – это другое дело. Это большие, полноводные, бурные, быстрые реки. Обе очень красивы. Мне их пришлось переезжать на пароме. Ну, кончаю, пора сдавать письма на почту. Сегодня на почту отправляется 36 фунтов золота с золотниками и потому надо выслать их пораньше, чтобы золото сдать еще днем. Сейчас получил твою телеграмму, что все здоровы. Целую тебя и детей крепко.

Твой М. Сабашников

16 июня 1902, Благовещенский прииск

Если Сережа в Никольском, передай ему, что я одновременно пишу ему в Москву, т. к. не знаю, не будет ли он в Суткове ко времени прихода письма, ну а в таком случае выгоднее посылать через Москву. Впрочем, письмо это не важное. О делах обстоятельно напишу ему, получше оглядевшись здесь.

Макавеево Заб. ж. д., 24 июня 1902

Приехал я с приисков в Макавеево и первым делом на почтово-телеграфную станцию. Телеграмм не оказалось, но зато получил от тебя письмо. Оно сразу перенесло меня из Азии в Европу, с границ Монголии в Никольское. Ясно представил я себе сцену с Сережей, о которой ты пишешь: он надрывается и, потеряв способность видеть и слышать, что кругом делается, орет монотонно, но упорно односложное «двор», без глаголов и прочих ненужностей, ты же убиваешься, как бы прекратить «недоразумение», и в усердии своем получаешь отповедь: «не люблю», отповедь, которой ты никак не ожидала, которой ничуть не веришь, но которая все-таки расстраивает тебя окончательно... Но это всё пустяки, важно то, что капризы Сережины как-то растут, учащаются, увеличиваются в силе и энергии. Какой он год тому назад или вернее полтора года тому назад был в этом отношении покладистый, милый! Как он охотно принимал «к сведению и исполнению» установившийся порядок и как любил даже соблюдение порядка! Впрочем, происходящие перемены вполне понятны, надо только не зевать, наблюдать и принимать те меры, какие окажутся необходимыми. Мы уже с тобой неоднократно говорили, и потому я вполне уверен, что мы с тобой согласны в одном самом существенном пункте, письмо же твое только подтверждает лишний раз, что я не ошибаюсь, т. е. ты поступила именно так, как я и ожидал. Важно именно не допускать до капризов, т. е. принимать предупредительные меры, чтобы не создавать условий для капризов. Большинство родителей, как я замечал, этого не признают и думают, что капризы имеют какую-то свою независимую от ничего другого причину. И в этом они сильно, по-моему, грешат, либо, окружая детей излишней суетою, сменой впечатлений – удовольствий и игр, совершенно несообразно со способностями и силой детей воспринимать внешние впечатления, либо не принимая мер заблаговременно устранить причину, или важнее, повод к капризам. Причины, кроме, конечно, внутренней – врожденной причины капризов, в большинстве случаев заключаются в нервированности детей, которым доставляется больше впечатлений, нежели они могут переварить; поводы же к капризам бывают самые разнообразные, но среди них есть некоторые поводы, так сказать, постоянные. Так, при внимательности воспитателя эти постоянные поводы к капризам – в большинстве случаев какие-нибудь соблазны, могут быть своевременно устраняемы. Зачем, однако? – может спросить какой-нибудь сторонник авторитарности, который главную задачу воспитания видит в приучении к повиновению. Для такого господина конечно непонятно, как это избежать капризов: ведь тогда никогда не представится случая заставить ребенка поступить против своего желания? Мы же с тобой не сторонники авторитетов, для нас важно, чтобы ребенок приобретал с детства хорошие привычки, которые вошли бы совершенно незаметно, постепенно в его, так сказать, характер, чтобы ему свободно, легко и приятно было быть хорошим ребенком и чтобы он был хорошим не потому, что этого от него требуют, а потому, что ему самому нравится быть хорошим. А в таком случае капризов, как и всяких других дурных привычек, следует особенно избегать, само собой разумеется, не давая при этом ребенку заметить, что его капризов «боятся». Ну да ты все это отлично понимаешь <...>.

Ты пишешь, в какой восторг Сережа пришел, увидев поля в окно вагона. И правда, трудно себе теперь и представить всю силу наслаждений, какие способен испытать человек со свежей, еще неиспорченной впечатлительностью при виде поля, луга или леса после целой зимы в городе. Для меня, например, до сих пор слово «деревня» связано как-то с видом поля, на котором сохой пашет подмосковный убогий мужичок, а в выси поднебесной заливаются жаворонок. Эту картину я видел как-то при одном из наших приездов детьми из Москвы на дачу в Жуковку, и она так врезалась мне в память, что, казалось бы, я мог описать тебе и мужика, и шоссе, по которому мы ехали, и свет солнца, и всё прямо с фотографической точностью. Теперь мы уже всё это видели и пережили не раз, всё это нам слишком знакомо и, хотя по-прежнему

мило и приятно, однако эти картины на нас не действуют уже с былой силой. Нужно что-нибудь новое, свежее, невиданное. Вот мне сейчас привелось такое новое, невиданное посмотреть. Как бы мне хотелось показать тебе здешние луга, тебе, любительнице всяких цветов. Такой пестроты, такого разнообразия я и представить себе не мог. От ж. д. до приисков приходится ехать двое суток долинами рек Ингода, Тыра, Иля и Онон. Горы, ограничивающие эти долины на севере, покрыты сосновыми, березовыми, лиственничными лесами, но по мере приближения к югу горы становятся всё более обнаженными, лес на них сменяется травой, очень часто редкой и пожженной уже солнцем. Порою луга самих долин покрыты сплошь коврами самых разнообразных цветов. Буквально едешь то по ковру незабудок, то по огромной куртине желтых лилий, то наконец все цветы перемешиваются между собой и среди яркой зелени травы пестреют во множестве оранжевые царские кудри, красные, как мак, лилии, синие стройные ирисы, белые левкои, дикие астры, да разве их всех узнаешь и разве их перечтешь, все эти цветы! Глядишь с тарантаса сутки, глядишь другие, и если бы надо было ехать дальше, то и третьи сутки смотрел бы всё с тем же удивлением и восторгом.

Но не одни луга поражают и привлекают к себе проезжающих. Горы так красивы, реки бурны и многоводны, воздух сух, прозрачен и светел до странности; а затем население – живописные группы бурят, кочующих со своими стадами по этим долинам, обстоятельные, деловитые, с большим чувством достоинства, обходительные и приветливые казаки, расселенные когда-то в этих долинах – всё-всё вместе взятое дает какое-то совершенно необыкновенное впечатление. Нет, Забайкалье стоит и очень стоит посмотреть. Бассейны Онона и Ингоды настолько своеобразны, что их ни с чем сравнивать не приходится.

Насколько хороша и привлекательна для туриста здешняя природа, настолько прииски, в настоящем, по крайней мере, их виде, производят неблагоприятное впечатление. В былое время оживление, кипучая работа, вероятно, окупали неприглядность обстановки, убогость жизни и, быть может, прииски производили внушительное впечатление. Теперь иное – прииски выработаны, производство продолжается, тлеет на старых работах, работы ничтожны – убоги, обстановка жилища – убога, да и люди убоги. На приисках преобладают «старатели», «золотничники». Это даже не арендаторы, а что-то еще ниже в смысле техническом и организаторском. Когда прииск перестает давать доход при правильных хозяйских работах, то отдельные его кусочки отдают различным арендаторам, которые ставят маленькие работы на кусках, оставленных при ведении хозяйских работ. На этих кусочках самим хозяевам нет расчёта работать, т. к. при своей разбросанности они не могут вестись при больших машинах. Когда арендаторам на прииске делать нечего, то зовут старателей. Золото кое-где еще остается, но изволька найти его и выработать. За это и берется старатель. Он ходит с лотком по всему прииску и ищет, помоем здесь, найдет – хорошо, не найдет, идет в другой угол. И так охотится он за золотом всё лето. Всё, что от него требуют владельцы, это чтобы он не брал себе добытого им золота, а сдавал в контору, которая уплачивает ему за труды с золотника, доставленного им в контору золота. У них в старателях всё самый нуждающийся народ. «На это только от нужды пойдешь», – говорил Разумов про некоторых старателей, работавших на Баян-Зурге зимой.

Вот мужик промывает нарытую им землю. Он сам из Чикоя. Хлеб там хорошо родит, но одним хлебопашеством не проживешь. Помогала железная дорога, да она в этом году «отошла». Ждали, ждали – вот придут куда-нибудь нанимать, но никто не пришел, пришлось идти хотя бы стараться. Старик дед, совершенно седой, стоит в луже воды и выгребаёт лопатой со дна «ребровик», т. е. породу, составляющую ложе долины. Она вся пластинчатая, пластинки ребрами обращены вверх, при открытии пласта хозяйскими рабочими, очевидно, кое-какое золотишко ссыпалось вниз и западало в щели породы. Достать это золото правильными работами нельзя, а вот дедушка покопается в этом ребровике день, гляди, ползолотника и намоем. «Там в обрыве хорошее золотишко есть, да круты борта, неровен час, обвалятся, засыпят меня старика, боюсь! А бабы вот копаются». Действительно, бабы посмелее, и за ними нужен глаз да

глаз. Они должны копать только там, где разрешено, но, найдя местечко получше, спешат его взять, с опасностью быть заваленными при случае обвала. Разумову постоянно приходится с бабами ссориться, угрожая вовсе не допускать их на работы в случае несоблюдения ими его указаний.

Старатели за работой. Фото М. Сабашникова. 1902 г.

За несчастья на приисках отвечает Разумов, произойди оно хотя бы и со старателем, забравшимся куда не положено. Вот он и охраняет свой собственный интерес. Бабы эти – все жены и домашние рабочих, служащих у него на приисках. Это уже их бабий дополнительный заработок. Кое с кем из них я поговорил. Некоторые пришли из Енисейской губернии, как объяснила мне одна славная бойкая бабенка, коротенькая, энергичная, рассказывавшая всё с какой-то приятной улыбкой. У них второй год неурожай. Хлеба не только есть, но и обсеменить не было. Земля была вспахана, но пахоту некому было продать, так как и у других ни у кого семян нет. Пришлось бросить пахоту без посева и идти на прииски. В дом чужих людей пустили. Муж работает у нас на золотопромывальной машине, она же вот «старается», копит на обратный путь. «У нас там дочурка трех лет осталась, пришлось тоже людям на лето поместить», – прибавила баба с улыбкой. Очевидно, воспоминания о дочурке, оставленной за тысячи верст, приводит её в особенное, тихое и радостное настроение, и она готова говорить о дочурке без конца. И ни малейшей жалобы на судьбу, или на людей, или, наконец, на начальство! Всё принимается с какой-то поразительной бодростью и благоразумием, с готовностью идти на всякие жертвы и лишения; но почему эти лишения, неужели они необходимы, неизбежны, почему другим лучше живется, – всё это вопросы, которые, быть может, и бродят иногда в головах этих людей, но на поступки их эти мысли не влияют. Эти черты характера меня и раньше поражали в простом народе, и теперь несколько раз приходилось с ней встречаться. Особенно заслуживает уважение бодрость, с которой они принимают всякие удары. То-то нам бы позанять у них характера побольше. Жидок и тонок интеллигент кажется сравнительно с этими людьми. Конечно, и среди интеллигентов бывают исключения.

Да, велика наша земля и обильна, а порядка в ней нигде-то нет, хоть всю перерой. Неурожай и обнищание крестьянства в Сибири тоже наблюдается, как и в России. У Забайкальских казаков тоже кризис. Жили они до сих пор отлично, но теперь приходится и им подумывать, чем пропитаться. Два неурожая подряд подорвали казаков и все их надежды на этот год.

Про бурят я тебе как-нибудь напишу. Здесь приходится слышать про «бурятскую реформу» такие невероятные вещи, что прямо не верится. По бесцеремонности к праву наше правительство превзошло самое себя, и Финляндские осложнения бледнеют сравнительно с производимой сейчас «революцией сверху» в бурятском крае. Не хочется сейчас писать, в надежде еще проверить всё, что здесь говорят.

Ну, целую тебя и обнимаю крепко. Рад был получить от тебя письмо и надеюсь, за этим первым приветом возлюбленной моей женки будет и другой, и третий, и четвертый, и т. д., вплоть до моего приезда в Никольское прямо в твои объятия. Детишек целую крепко.

М. Сабашников

Стретенск, пароход «Стрелок», 26 июня 1902 г

До сих пор я ехал без всяких проволочек и затруднений, но теперь, кажется, начинается эта напасть. Вчера приехал в Стретенск с запозданием на 5 часов. Почтовый пароход уже ушел, и другой будет лишь через 5 дней. Нашелся товаро-пассажирский, на котором я устроился довольно удобно, получив отдельную каюту. Но беда в том, что мы должны были отплыть рано утром, поезда ожидать не предполагалось, т. к. вода в Шилке быстро убывает. Однако вот уже 12 часов, а мы не собираемся еще трогаться с места. На вопросы капитан отвечает, что ему хочется дождаться поезда, который должен был прибыть в 11 ч. 30 м., но который опаздывает. По частным слухам поезд опаздывает на 4 часа, и так мы ранее 3 едва ли выберемся. Между тем, при такой неопределенности далеко уйти от парохода нельзя, город на другом берегу, надо переезжать на пароме, и пароход может уйти перед носом в случае задержки парома. Вследствие такой неопределенности я отказался отыскивать в Стретенске г-на Андоверова,¹⁸ у которого хранятся вот уже более 15 лет Ононские «дробилки» (машины к рудной толчее). Итак, передай Сереже, что я к Андоверову не попал. Схожу сейчас посмотреть переселенческие бараки, они рядом тут, на нашей стороне. Быть может, что-либо и снимаю. Стретенск лежит довольно красиво. Шилка очень большая река и с чрезвычайно быстрым течением, берега высокие и живописные. Город с проведением ж. д. быстро вырос и теперь значительно обогнал Читу, которая является главным городом всей Забайкальской области. Кончаю, сейчас мне сказали, что капитан передумал, ждать поезда не станет, и что мы сейчас тронемся в путь.

¹⁸ *Андоверов Яков Самуилович* – купец I гильдии, совладелец Сутарского и Стретенского золотопромышленных товариществ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.